

Собирательное число имен существительных в современном русском языке

Генетическая близость категории числа имен существительных и так называемых собирательных существительных, как представляется, доказана в лингвистической литературе (См., например, работы И.Э.Еселевич, В.И.Дегтярева и др.). Достаточно убедительно показано семантическое единство собирательных форм и форм ед. и мн. числа существительных в современном русском языке (См. работы А.А.Колесникова, А.Б.Агаян и др.). Но несмотря на длительную историю утверждения о том, что формы собирательности (понимаемые в узком значении, т.е. имеющие однокоренные существительные в ед. числе, обладающие специфическими суффиксами собирательности, употребляющиеся в форме только ед. числа), служащие для выражения значения недискретного множества, следует придать компонентом семантической структуры категории числа наряду с формами ед. числа, выражающими в числовой парадигме значение единичности и формами множественного числа, служащими для обозначения дискретного множества, не учитываются ни авторами современных учебников по современному русскому языку для вузов, ни составителями академических грамматик и словарей. Противники включения в числовую парадигму собирательного числа говорят 1) о традиционном флективном способе выражения количественного значения грамматической формой числа; 2) о постоянстве формального плана у собирательных (форма только ед. числа), а также 3) о лексикализации собирательных, т.е. отсутствии у них соотносительных форм единственного и множественного числа. Заметим, однако, что суффиксы, имеющие историческое объяснение, используются при образовании многих современных числовых форм. Ср.: небо – неб-ес-а, суд-н-о – суда, тел-ёнок – тел-ят-а. Почему же отказывать в праве на выражение значения недискретного множества суффиксам: -ств – (студенчество), -н- (матросня), -j – (зверьё), -щин- (офицерщина), -ур- (профессура), -в- (листва), -от- (беднота) и др.?

Известно, что ряд существительных обладает формальной недостаточностью в образовании числовых противопоставлений. Так, только в форме единственного числа выступают абстрактные имена существительные (смелость, отвага, красота), только формой единственного или только формой множественного числа характеризуются вещественные имена существительные (молоко, чай, сливки, выгарки). Может ли у форм собирательности их постоянная формальная закреплённость (только в норме единственного числа - солдатня, учительство, бабье, агентура и проч.) быть основанием для их невключения в семантическую парадигму норм числа?

Кроме того, если существительные способны лексикализироваться в форме множественного числа (часы, городки, козлы, леса, жоры и проч.), то почему следует отказать в такой способности формам собирательности (молодёжь, бельё и др.) и не говорить о постоянном собирательном числе?

Разумеется, можно понять представителей традиционной формальной школы, изумляющимся наличием двух форм единственного числа в языке (лист – листва) и двух форм для выражения семантики множества (листья – листва). Однако выход из подобного затруднения предлагают функционально-семантические исследования, в результате которых приходим к выводу о правомерности выделения собирательного числа в структуре грамматической категории числа имен существительных, которое используется для обозначения недискретного совокупного множества наряду с формами множественного числа, называемыми дискретные, членимые множества и нормами единственного числа, содержащими семантику единичности.